

бой, умеет ценить жизнь других людей. В. Карпов с теплотой пишет о своем командире А. Кортунове: «...Он был, пожалуй, самым бережным по отношению к моей жизни человеком» [8, с. 1].

Таким образом, проблема героического тесно связывается с проблемой ответственности за каждого человека. В собственно художественном творчестве она ставилась К. Симоновым («Живые и мертвые»); Ю. Бондаревым («Горячий снег»), В. Быковым («Его батальон») и другими авторами. Документальные произведения середины 70—80-х годов обогащают литературу изображением подлинных ситуаций и судеб, в чем проявляется существенная сторона историзма, свойственная произведениям социалистического реализма.

1. Ленин В. И. Насущные задачи нашего движения // Полн. собр. соч. Т. 4. 2. Белинский В. Взгляд на русскую литературу 1847 года // Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 9. 3. Гачев Г. Жизнь художественного сознания, М., 1972. 4. Горький М. По поводу одной полемики // Собр. соч.: В 30 т. М., 1949—1955. Т. 26. 5. Гранин Д. Клавдия Вилор. Л., 1980. 6. Дубровин А. Типическое. М., 1979. 7. Карпов В. Полководец. М., 1985. 8. Карпов В. Слово о командире полка // Лит. газ. 1984. 9 мая. 9. Кондратенко В. Вниманию: «Молния!» К., 1983. 10. Крон А. Капитан дальнего плавания. М., 1984. 11. Проблема положительного героя в советской многонациональной литературе 60—70-х годов. Ставрополь, 1983. 12. Симонов К. Разные дни войны: Дневник писателя: В 2 т. 1942—1945. М., 1977. Т. 2. 13. Храпченко М. Художественное творчество, действительность, человек. М., 1978. 14. Явчуновский Я. Документальные жанры. Саратов, 1974.

Статья поступила в редколлегию 09.09.85

М. М. Радецкая, доц.,
Ворошиловградский пединститут

Образ поколения (стихи о поэтах — участниках Великой Отечественной войны)

Проблема положительного героя всегда была актуальной. 40-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне усилило интерес к теме героического подвига поколения. Громадный вклад в общее дело Победы вносили произведения поэтов — участников войны, ставшие песней, стихом, сборником, переписанные в письмах-треугольниках, идущих с фронта.

Собирательный образ поэтов тех лет, не вернувшихся с войны, дал Марк Лисянский в стихотворении «Умиряли поэты»:

Поднимались рассветы
В беспощадном огне.
Умиряли поэты
На великой войне.
Умиряли и пели
В полный голос любви

К тем, кому не успели
Сны поведать свои [24, с. 125—126].

Памятником фронтовым литераторам, газетчикам стало известное стихотворение К. Симонова «Корреспондентская застольная»:

Там, где мы бывали,
Нам танков не давали,
Репортер погибнет — не беда.
Но на «эмке» драмой
И с одним наганом
Мы первыми въезжали в города [16, с. 180].

Образ писателя — героя Великой Отечественной войны — это обладающая огромным нравственно-этическим и военно-патриотическим потенциалом проблема, которая еще отчетливее вырисовывается в свете Постановления ЦК КПСС «О 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов». Более 2 тыс. писателей сражались на передовой и работали во фронтовой печати, около 350 не вернулись с войны, многие стали Героями Советского Союза [10, с. 6; с. 15]. В двух книгах сборника «В редакцию не вернулся» мы находим волнующие материалы о писателях.

Не захотел остаться в Москве военкор А. Гайдар, тяжело больной Э. Капиев добивался зачисления в редакцию фронтовой газеты. Поэт-газетчик И. Уткин, погибший на фронте, был ранен в атаке, в которую он пошел вместе с бойцами. Детский писатель и переводчик М. Гершензон, уже смертельно раненный, успел записать в блокноте: «Я умираю недаром... Наши прорвались... Бегут вперед... Это вкусная смерть» [10, с. 17]. Ярче всего образ поэта-фронтовика раскрывается в биографической лирике, обладающей теми жанрово-стилевыми особенностями, которые позволяют ей стать «поэтической кардиограммой подвига». Мы не станем касаться тех пластов художественной биографии художников слова, которые представлены эпическими и драматическими жанрами, хотя о таких писателях-героях, как А. Гайдар, М. Джалиль, В. Монтвила, написаны поэмы, пьесы, киносценарии, романы.

Лирическое стихотворение обычно рисует один эпизод из жизни литератора-фронтовика, его подвиг, а иногда впечатление автора стихотворения от них. Эти лирические стихи редко бывают жанрово чистыми. Чаще всего в них синтезируются приметы баллады, песни, легенды, мифа, дружеского послания, философской медитации. Гибель поэта-героя рисуется гиперболически, масштабы подвига и трагедии расширяются до планетарных, космических.

Белорусский поэт М. Танк в балладе «Другу-поэту» оплакал смерть поэта-воина — образ-символ:

Сто семьдесят бардов оплакали смерть
Маститого Лопе де Вега.
А нам было некогда друга воспеть
В окопах, засыпанных снегом.

Он пал за свободу, но песней своей,
Повел нас вперед, в наступленье,
Чтоб жаркий и правый огонь батарей
Прославил его поколенье [17, с. 188].

170 пушек отдали салют герою. На его кургане вечно зеленеют 170 сосен, 170 пущ «ночами и днями» рыдают по поэту.

Те же романтические краски, что и в известном стихотворении С. Орлова «Его зарыли в шар земной», использовал А. Аквилев, откликнувшийся в стихотворении «Памяти друга» на гибель поэта Виктора Курочкина:

Над ним, увешана громами,
Кружится звездная пурга.
В его глазах, как в панораме,
Орловско-Курская дуга [6, с. 10].

А. Кешоков в стихотворении «Памятник Али Шогенцукову» увековечил всех не вернувшихся с войны кавказских поэтов-воинов, памятником бессмертия которым стал гранит их родного Эльбруса:

От Эльбруса был гранит отколот,
Став гранитом, ты, как прежде, молод!
Нет, не камень, а бессмертья свет
Сам Эльбрус вручил тебе, поэт [19, с. 138].

В небольшом стихотворном цикле Т. Волынский обратился к памяти Аркадия Гайдара, которому посвящено особенно много разножанровых историко-биографических произведений.

Десятки стихотворений посвятили поэты-ленинградцы памяти Юрия Инге, поэта и потомственного моряка. Почти все стихи отмечены чертами космизма романтического реквиема. Н. Браун в «Балладе о гибели друга» скорбит над морской пучиной, ставшей для Ю. Инге могилой, где «нет ни цветов, ни венков». Но нерукотворным памятником поэту стала спасенная им Вселенная:

Лишь зори да звезды навеки веков.
Лишь молний пыланья да грома салют
Бессмертную почесть тебе воздают [1, с. 209].

В этих же романтических традициях написано стихотворение В. Лукашевича «Поэту-моряку», которому предпослан документальный эпиграф: «В ноябре 1941 года на траверзе острова Кери геройски погибла подводная лодка «Л-2», штурманом которой был поэт-лейтенант Алексей Лебедев». И благодарной памятью ему стал опущенный на черную волну «венки из гвоздик и ромашек» [23, 1983, 11 марта].

Особую тематическую группу стихов составляют лирические произведения, в которых показан собирательный образ «юношей 41 года». Они посвящены памяти П. Когана, Н. Майорова, В. Багрицкого, Е. Ширман, М. Кульчицкого. О том, как юные студенты Литинститута, слушатели семинара И. Сельвинского («тридцать три богатыря», как шутливо назвала их староста его Е. Ширман) во главе со своим руководителем добровольцами отправились на фронт, рассказал их сокурсник, теперь

известный поэт М. Львов в очерке «Юность одержимых» [10, с. 149—153].

Другой их сокурсник Ю. Окунев создал цикл стихов о погибших однополчанах. Показывая бескомпромиссность и целеустремленность поэта-воина, он увидел черты целого поколения «одержимых Россией»:

Ее спасти не мог он
Лишь реками чернил.
Россию Павел Коган
Собою заслони [13, с. 102].

Откликом на «Реквием» И. Сельвинского, посвященный памяти его погибших студентов, стало стихотворение Ю. Окунева об Елене Шйрман — «О ней теперь и говорят и пишут». Стихи о несломленной героине, перенесшей перед гибелью нечеловеческие пытки, — гимн женщине, хранительнице жизни. Они проникнуты горечью о том, что «лучших в мире женщин убивают, и убывает Океан добра» [13, с. 111].

Особенно много стихов посвящено Михаилу Кульчицкому, одному из самых талантливых молодых поэтов, не вернувшихся с войны. «Он был красив, высок, анархичен и очень талантлив. В нем бурлил пафос гражданской войны» [13, с. 151]. Н. Шатилов в стихотворении «Памяти Михаила Кульчицкого» пишет о нем, как о поэте эпохи, создавшем стихи, «суровые как военкомы», разделившем судьбу многих ровесников: «Он многотомие сменил на пятистрочье похоронной» [19, с. 11]. Большой эмоциональной силы стихи создал о нем Б. Слуцкий. Героическое горение представлялось ему нравственным пафосом жизни М. Кульчицкого, для которого революционная Россия стала всем:

Она — его поденная работа.
Она — его счастливая минута.
Она была Отечеством ему! [3, с. 74].

В «Балладе о встрече на Мамаевом кургане» Ю. Окунев рассказал, как через четверть века после гибели поэта он встретил имя его среди имен защитников Сталинграда, причисленного эпохой к «неумолкшим, к живым». Неповторимость человеческого характера и поэтического мира другого «юноши 41 года» Николая Майорова передает Ю. Окунев в стихотворении «Голос друга». Об этом же поколении поэтов, «долгобить не успевших», но оставшихся в памяти народа, пишет Н. Журавлев в стихотворении «Всеволоду Багрицкому».

Особую группу составляют стихи о поэтах-героях, которые вернулись с фронта, но стали жертвой «эха войны»: пали от недолеченных ран, от блуждающих тромбов, от нервных перегрузок. Этому поколению поэтов — к нему принадлежали Сергей Наровчатов, Михаил Луконин, яростные и бескомпромиссные, «блистательные мушкетеры», — посвятил стихотворение «Уходит наше поколень» М. Львов. Его стихи «Памяти Сергея Наровчатова» пронизывает философская мысль о том, что вместе с большим поэтом уходит в небытие целая Вселенная [8, с. 34].

Сильно и выразительно написал об этом Борис Куняев в стихотворении «Три процента», посвященном не только памяти Наровчатова, но всем воинам, рожденным в начале 20-х годов. К тем из них, кто выжил, и сегодня война «врывается вновь по ночам»:

Три процента —
израненных, но живых.
Остальные частицею Родины стали.
Снова дымом и кровью
клокочет мой стих,
Строки сухо стучат
автоматною сталью [23, 1984, 21 дек.].

Прекрасными стихами оплакала русская поэзия безвременную смерть Михаила Луконина, поэта, который в мирные дни оставался воином и по личным впечатлениям создал стихи, поэмы о борющихся Вьетнаме и Африке. Памяти его посвятили стихи М. Львов, Р. Казакова, Н. Глазков, Я. Козловский. О Михаиле Луконине сказал так Я. Козловский:

Был смел, как подобает офицеру,
Был честен, как поэту надлежит.
Испытанный огнем девятибалльным,
Ты мог бы,
свой благословив удел,
За Грецию погибнуть, словно Байрон,
Идти, как Лорка, гордо на расстрел [15, с. 192].

О М. Луконине пишут стихи поэты других народов СССР. Для украинского поэта М. Нагнибеды («Памяти Луконина») русский поэт, чей путь лежит к народам, нуждающимся в защите своих прав, — Боян «поэзии и мира» [20, с. 2—3].

Целый венок лирических воспоминаний посвятили советские поэты памяти Алексея Недогонова, Сергея Орлова, Семена Гудзенко, Константина Симонова. Подлинных высот достигают строки стихотворения Е. Евтушенко «Завещание Симонова». Особый поэтический мир — стихи о женщинах-воинах: Ю. Друниной, В. Тушновой, Г. Николаевой (Волянской). К этой теме обратилась М. Румянцева в стихах о Ю. Друниной:

Помнишь, Юля,
слышишь, Юля,
Хруст валежника в лесу?
Подсекает тихо пуля,
Громко падает в росу.
Ах, метелица военная
И убитый старшина...
Ходит хрупкая,
весенняя,
А вокруг нее —
война [14, с. 45].

Тема поэта-воина в литературе социалистического реализма — тема многонациональная. И в украинской советской поэзии почетное место заняли стихи о погибших поэтах. М. Яременко посвятил поэтические строки памяти Олексы Десняка.

Григорий Донец в «Балладе о поэте» рассказал о Евгении Фомине, который погиб в плену. И. Савич романтический «Триптих о поэте-бойце» посвятил герою-полтавчанину, сожженные фашистами стихи которого выучили наизусть и сберегли земляки. Прототипом героя был Ф. Рудь, посмертно принятый в Союз писателей.

Особое место принадлежит замечательному лирику Владимиру Сосюре. Он воевал на Дону, его стихи согревали души бойцов под Сталинградом. О нем рассказали в лирических произведениях М. Упеник («Моему земляку»), А. Малышко («Слово»), О. Ющенко («Владимиру Сосюре»).

Немало стихов посвящены поэтам-воинам Донбасса. Н. Чернявский рассказал о фронтовом лихолетье донбасского поэта Ивана Савича, на войне познавшего цену хлеба, в стихотворении «О сухарях». О поэте-ворошиловградце М. Яременко, вернувшемся с фронта инвалидом, И. Савич написал стихотворение «Непрестанная боль»:

І хочеться часом йому у безсонні
Так стукнуть протезом
Об стіл у ООНі,
Щоб стихли од стуку того гармати...
Не знали про це ви?
Тож треба знати... [15, с. 27].

В послевоенные годы вчерашний фронтовик, поэт из Донбасса П. Шадур, посвятил собрату по оружию В. Труханову стихотворение-послание «Другу-солдату» о вечном братстве воинов, тех, «кто видел рядом смерть»:

Тот навсегда солдат
Бессменного расчета,
Хоть снял военкомат
С военного учета [18, с. 12].

Немало стихов донбасских лириков об адыгейском поэте, политруке Хусене Андрухаеве, погибшем в боях под Ворошиловградом. Романтическими тонами легенды окрашены стихи украинского поэта М. Ночовного:

І підвівсь політрук —
Дві гранати в руках,
Ніби помста жива
над землею.
— За Росію мою!
— За Україну мою!
— За мою Адигею! [21, 1984, 14 окт.].

На месте гибели поэта — около села Дьяково — по адыгейскому обычаю посажено на кургане дерево, привезенное с его родины. Об этом поведал в стихотворении «Место подвига», используя фольклорные мотивы, Я. Захаров:

...так обычай древний повелел:
Где упал адыг в пылу сражений,
Срубленное дерево в лесу,
Стол без мелких
веток и вершины,

К роковому месту отнесут,
Вроют в землю

скорбные мужчины [21, 1985, 6 апр.].

«Золотым мостом дружбы» можно назвать стихи поэтов СССР, посвященные собратьям по перу и оружию. Очень выразительно сказал Л. Озеров, что вместе с переводимым им литовским поэтом В. Монтвиллой заново прожил его героическую жизнь:

Все тюрьмы с ним, все сроки с ним.
Все думы с ним, все строки с ним.
Все ночи без ночлега — рядом, вместе.
И вместе, рядом — горе и возмездье [12, с. 135].

Многочисленные историко-биографические произведения, в том числе и лирические стихи, посвящены герою татарского народа Мусе Джалилю. О нем проникновенно пишут, кроме русских поэтов, украинцы П. Тычина, Д. Павлычко, Я. Яременко, татарские и башкирские поэты. О последних минутах М. Джалиля, который стал в один строй с бессмертными писателями-интернационалистами М. Залкой, Ю. Фучиком, поведал татарский поэт Заки Нури:

И знай, палач, — Муса не знает страха.
Он здесь — судьбы солдат и командир,
С поэзией уходит в наступленье!
Разит врагов и славит светлый мир [25, с. 22].

Башкирскому поэту Мустаю Кариму, дошедшему до Берлина, посвятили стихи не только его соотечественник С. Кудаш, но и русский поэт В. Жуков, и украинский поэт В. Коротич. В цикле портретов-баллад он с проникновенным лиризмом рассказал о М. Кариме, пролившем кровь при освобождении украинской земли:

Я шагнул на войну, как в поток,
Как в бурлящую кровью стремнину, —
Но еще и представить не мог,
Как срастется со мной Украина.
Думал — может, недолго до дня,
Когда с этой смешаюсь золою,
Думал часто: «Любите меня,
Ибо вашею стану землею» [22, с. 96].

Подвиг советских поэтов-воинов — тема всемирного звучания. Михаил Дудин перевел с сербо-хорватского языка стихи Йоле Станишича, посвященные горевшему в танке поэту Сергею Орлову:

Багровые на низких тучах блики,
И на траве багровая роса.
Но у Победы на прекрасном лике
Твоей судьбы солдатские глаза...
Но знаю я! Грядущим дням товарищ,
Скрепленный с ними верностью одной,
Ты свое имя, умирая, даришь
Бессмертию поэзии родной [6, с. 214—215].

Двухтомник «Стихи о Великой Отечественной войне» (М., 1985) вместил только малую долю стихов о поэтах-героях.

А они — целый материк в океане советской поэзии. Л. Озеров назвал поэтов, прошедших фронтовыми дорогами, «летописцами прошедшей войны». Стремясь «из пепла вырвать давний миг», советские поэты ставят из вечно живого слова памятники и безымянным рядовым войны, и тем, кто оставил в наследство народу памятники-стихи:

И в мартирологе несметном
Вы взять сумели свой урок.
И мертвый возникал бессмертным
На постаменте ваших строк [11, с. 14].

В статье освещены лишь некоторые особенности стихов о писателях-воинах как особой жанрово-тематической области современной многонациональной советской лирики, тяготеющей к философскому осмыслению героической темы. Она отличается романтической экспрессией, использованием условных форм изображения. В ней решается не только тема поэта в трагическом мире войны, но и создается концепция положительного героя как личности героической, воплощающей судьбу поколения и целого народа.

1. Браун Н. К вершине. Стихи. Л., 1982. 2. Володимиру Сосюрі: Збірник. К., 1958. 3. День поэзии 1956. М., 1956. 4. День поэзии 1971. М., 1971. 5. День поэзии 1977. М., 1977. 6. День поэзии 1979. Л., 1979. 7. День поэзии 1982. М., 1982. 8. День поэзии 1983. М., 1983. 9. Кешоков Алим. У меня в гостях: Стихи. М., 1966. 10. Коган А. Г. Сквозь время. М., 1973. 11. Озеров Л. Вечерняя почта. М., 1974. 12. Озеров Л. Дальняя слышимость. М., 1975. 13. Окунев Ю. Лирика прежде всего. Волгоград, 1968. 14. Румянцева М. Характеры. Воронеж, 1977. 15. Савич I. На шляхах буття. Донецьк, 1971. 16. Симонов К. Из трех тетрадей: Стихи. Поэмы. М., 1979. 17. Танк М. Стихотворения и поэмы (Пер. с белорус.). М., 1959. 18. Шагур П. Лица людей: Стихотворения и поэма. Донецк, 1978. 19. Шагилов Н. Ладонь. Х., 1965. 20. Вітчизна. 1978. № 10. 21. Ворошиловградская правда. 22. Дружба народов. 1975. № 10. 23. Литературная Россия. 24. Новый мир. 1985. № 5. 25. Юность. 1985. № 4.

Статья поступила в редколлегию 20.09.85

Р. М. Горюнова, доц.,
Симферопольский университет

«Города и годы» К. Федина и «Потерянный кров» Й. Авижюса (к вопросу о преемственности в развитии советского военного романа)

Современная многонациональная проза о Великой Отечественной войне продолжала лучшие традиции советского эпоса, обращенного к событиям революции и гражданской войны. У истоков военно-патриотической литературы — «Тихий Дон» М. Шолохова, «Хождение по мукам» А. Толстого, «Города и годы» К. Федина, «Разгром» А. Фадеева, «Железный поток» А. Серафимовича. Последующие поколения писателей не могли